

Елена Гулиева

Жизнь

*И клянусь не пощадить живота
своего во имя твоё...*

(из клятвы)

Жара давила. Марии Васильевне надоели духота и полумрак. Она поднялась и резким движением раздвинула шторы. Лавина солнечных лучей наполнила комнату. Солнце коснулось лица матери. Её веки едва заметно вздрогнули. Мария Васильевна подошла к её кровати и знакомым движением коснулась материнской руки. Ощувив пульсирующие удары жизни, она мысленно отметила: «Ещё жива».

Мария Васильевна направилась на кухню, шлёпая огромными старыми тапками. Её шаги эхом отзывались в пустых углах комнаты.

С тех пор, как ушёл её муж, не выдержав духоты и полумрака, она, прикасаясь каждое утро к руке матери, всё чаще спрашивала себя: «А жива ли я?»

Её квартира уже давно напоминала склеп. Пыль и мрак были постоянными спутниками её жизни.

Чайник закипел. Помешивая манную кашу, Мария Васильевна посмотрела в окно. День стоял солнечный и тихий. Со двора долетал приглушённый гомон детворы и птичий щебет. Форточку она не открывала. Воздухом же она дышала раз в неделю, когда ходила за покупками. Её взгляд скользнул по стене. На календаре было 31 августа. Листки календаря были, пожалуй, несколько дней не сорваны. «Что-то пенсию не несут», – подумала она равнодушно. Холодильник был пустой, да и крупа уже на исходе.

Мария Васильевна остудила кашу и понесла её в спальню. По дороге она заглянула в туалет и взяла судно для матери.

Шторы нужно было задвинуть: мать не выносила солнечного света, начинала нервничать. Мария Васильевна откинула одеяло и аккуратно перевернула мать на бок. На неё дохнуло резким запахом мочи и старости. Этот запах только поначалу шокировал, но теперь она жила в нём и уже давно к нему привыкла. Скрутив кое-как мокрую простыню, Мария Васильевна перевернула мать на другой бок. Таким же образом она постелила свежую постель. Но «свежей» её назвать можно было только формально. Устав от ежедневной утомительной стирки, Мария Васильевна постельное бельё замачивала в ванне, выпускала воду, а потом, почти не выкручивая, вешала его здесь же, на верёвку.

В последнее время она надевала на мать старые футболки вместо сорочки, чтобы не менять каждый день. Иногда оставляла её совсем голой, тем более что матери это было совершенно безразлично.

...Когда с постелью было покончено, Мария Васильевна присела в своё привычное кресло, чтобы немного отдохнуть, – она порядком подустала, хотя мать была лёгкой, как пушинка.

Часы пробили одиннадцать. Уже было время обедать, а она ещё даже не кормила мать завтраком.

Мария Васильевна просунула очень осторожно тонкую прозрачную трубочку матери в рот и стала малыми порциями вливать в неё жидкую кашу. Судорожные движения дряблой шеи означали, что мать приняла еду. Мария Васильевна всегда с нетерпением ожидала первого такого глотка, боясь, что мать откажется вдруг есть. Она даже не представляла, как же она тогда будет поддерживать еле теплившуюся жизнь в этом маленьком, беспомощном существе.

Напоследок Мария Васильевна влила матери небольшую порцию кипячёной воды. Иногда, очень редко, на десерт Мария Васильевна поила мать соком. И тогда старуха принималась торопливо глотать его, будто могла различить его вкус.

Мария Васильевна откинула ещё раз одеяло, чтобы убедиться, сухая ли ещё пелёнка. Затем она небрежно подставила судно, не заботясь о том, удобно матери или нет, и рухнула в кресло почти без сил.

Её заставил вздрогнуть дверной звонок. Мария Васильевна давно уже не слышала этого звука. Он бритвой разрезал тишину дома.

Мария Васильевна не без труда поднялась и зашаркала к двери, долго стояла, прислушиваясь к звукам на площадке. Потом прилипла к глазку и присмотрелась. Наконец щёлкнул замок, потом ещё один, зазвенела цепочка. Мария Васильевна потихоньку приоткрыла дверь и осторожно выглянула. Яркий свет на лестничной площадке заставил её прищуриться. Она с трудом разглядела на пороге женщину-почтальона с большой сумкой.

Не скрывая отвращения, женщина наморщила нос и прикрыла его рукой, протягивая Марии Васильевне какой-то листок.

– Распишитесь, – сказала почтальон и подала ручку.

Мария Васильевна почти ничего не видела, но дрожащей рукой расписалась там, где ей было указано, и принялась пересчитывать деньги.

– Больше ничего? – спросила она, испугавшись собственного голоса.

– Писем нет, наверное, ещё пишут, – привычно ответила почтальонша с едва заметной издёвкой и поспешила уйти. Но потом, будто что-то вспомнив, обернулась:

– Обещали пенсию добавить, так что на неделе, может быть, занесу.

Мария Васильевна закрыла дверь и аккуратно заперла замки. Ещё немного постояла у двери, прислушиваясь. Прогудел лифт, и всё стихло. Мария Васильевна прошла в спальню и завернула деньги в платочек, пересчитав их предварительно ещё раз. Там было шесть десятирублёвых бумажек. Но мизерность этой суммы совсем не смутила Марию Васильевну: у неё ещё от прошлой пенсии оставалось десять рублей. Она спрятала платочек под подушку кресла, на котором обычно спала.

Увидев на ночном столике у материной кровати грязную посуду, Мария Васильевна вспомнила, что сегодня ещё не ела. Она прошла на кухню, сгрузила трубки и миску в мойку и принялась за еду: крошила сухарей в остатки жидкой

каши и стала всё это равнодушно хлебать, не ощущая вкуса. Свой скудный завтрак она запила чаем без сахара и кое-как вымыла посуду.

Вернувшись в комнату на своё привычное место, у материнской кровати, она включила торшер и взяла в руки книгу. Названия книги Мария Васильевна не помнила, потому что начала читать её несколько лет назад. Было душно. В дырочку в шторе пробивался тоненький и яркий луч солнца, узкий, как у прицела снайпера.

Мария Васильевна посмотрела на мать внимательно. Старуха лежала без движений, как всегда, как уже много лет подряд. «Собственно, а почему старуха-то?» – поймала себя на мысли Мария Васильевна. Её мать старухой ещё вовсе не была. Это болезнь и вот такое убогое существование превратили её в нечто среднее между человеком и мумией. Мария Васильевна попыталась вспомнить, сколько же лет её матери. Для этого она попыталась вспомнить, сколько же лет мать не встаёт с постели. Десять? Или больше? Подсчёты забирали у неё остатки сил. Мария Васильевна откинула голову, чтобы немного отдохнуть, и стала вспоминать.

«Правильнее всего начать с себя», – равнодушно подумала она. Ей сейчас было сорок два, нет, сорок три года. Рано подводить итоги. Тем более что итоги были неутешительными. Жизнь проходила уныло и бесцветно. Утешало лишь то, что ей удаётся уже несколько лет поддерживать жизнь самого дорогого человека на свете – жизнь матери.

Мария Васильевна помнила, что мать её была когда-то женщиной весёлой и разбитной. Работала на стройке крановщицей. Отца не было, но их дом всегда был полон людей. Было шумно и весело. Здесь встречались мамины подруги, их мужья и дети. Они вечно что-то затевали: то пироги, то заготовки на зиму. Всё делали дружно, шумно, сообща. Иногда приходил какой-то инженер в шляпе и очках. Он долгими вечерами на кухне за чашкой чая что-то рассказывал маме монотонным голосом. Кажется, он очень даже ей симпатизировал. Потом, после этого рокового случая, он тоже заходил пару раз, что-то там толковал о том, что никого не надо винить, что это судьба такая, что всё произошло само собой, по воле providения, и нужно потерпеть. Мать, правда, его уже не слышала.

Врачи сделали всё возможное и невозможное. Они собрали маму буквально по кусочкам. Они говорили, что ей и так повезло, что жива осталась, что в их практике такого ещё не было. Конечно же, не было: ведь не каждый же день башенные краны падают.

Мать была женщиной полной. И в первый же год неподвижного состояния расплнела ещё больше. Марии Васильевне приходилось просить мужа, чтобы тот помогал переворачивать её, когда нужно было менять постель. Она видела, какое впечатление на него производило это занятие, и всякий раз клялась больше не привлекать его, но без помощи мужа обойтись не могла, звала его снова и снова.

Детей они решили не заводить до тех пор, пока что-то не решится с матерью. А что могло решиться? Глупые. На что они надеялись?

Когда они решили пожениться, её муж был даже рад, что всё так обстояло в семье. И тёща есть, и ни слова не скажет. И жена есть, и квартира. Мог ли он знать тогда, какую ношу берёт?

Мария Васильевна первые годы делала всё по рекомендации врачей. Поначалу их посещали медсёстры, обучили уходу за больной матерью, правильному кормлению. И Мария Васильевна с рвением делала всё согласно их инструкциям.

Их дом потихоньку опустел. Испарились подруги матери и её собственные. Всё чаще муж стал задерживаться на работе. Она его понимала и не особо укоряла за поздние возвращения. Она и сама иногда хотела сбежать как можно дальше от этого места.

Институт пришлось бросить, хотя мама всегда мечтала, чтобы её дочь стала инженером и работала у них на стройке. Муж аккуратно приносил зарплату, ещё была пенсия, в общем, им хватало. Куда-то выходить не было необходимости, муж обеспечивал всем, что было нужно в хозяйстве.

Постепенно Мария Васильевна привыкла к такой жизни. Она ей уже не казалась адом. Мама была жива – это главное, рядом был муж – тихий и добрый человек. У неё была семья, а это то, о чём мечтает каждая женщина.

Она спокойно тянула свою ляжку: ухаживала за больной матерью и ожидала каждый вечер мужа с работы. Всё, казалось, сложилось в её жизни нормально, не хуже, чем у других.

Мария Васильевна очнулась, стряхнула воспоминания и наклонилась к матери. Та лежала, как всегда, неподвижно. Мария Васильевна взяла мать за запястье. Жизнь еле слышно билась в венах. «Ещё жива», – привычно подумала Мария Васильевна. Нужно было отправляться на кухню, чтобы приготовить ужин.

День за окном догорал. Кровавые лучи солнца, вырываясь из-за горизонта, призрачным светом наполняли комнату. Они предвещали ветреный день. Мария Васильевна зажгла свет и принялась за работу. Кроме привычной каши, ей ещё нужно было вскипятить молоко да сполоснуть постельное бельё.

Когда работа была закончена, а мать накормлена, Мария Васильевна упала в кресло почти без чувств, изнемогая от усталости. Но воспоминания не давали уснуть. В памяти то и дело всплывали знакомые далёкие лица, будоражившие её сознание, давно успокоившуюся и почти мёртвую душу. Она уже давно не помнила ни о чём. Зачем?

Всё прошло, всё забылось, умерло. Первое время после ухода мужа старалась не вспоминать, забыть счастливые для неё времена. Но потом всё получилось само собой. Она просто жила, занималась своим главным делом – сохраняла жизнь своей матери. И это занятие поглощало всё её существо. Душа её окаменела. Голова опустела. Жизнь шла своим чередом.

Сначала ей было больно, так больно, что казалось, сердце разорвётся в груди. Муж собрал свои нехитрые вещи и ушёл, не попрощавшись. Она была занята кормлением матери, когда хлопнула дверь. Только по опустевшим полкам шкафа она поняла, что всё кончено. Мария Васильевна не могла в это поверить. Она даже

не заплакала и ждала его ещё несколько дней и ночей. Но когда она всё поняла, то даже думала наложить на себя руки, так ей было тяжело. Единственное, что сдерживало от такого шага, – жизнь матери. Что будет с ней? Кому она будет нужна? Нет, на такое Мария Васильевна пойти не могла. У неё была забота, большая ответственность – сохранять жизнь, такую хрупкую, беспомощную жизнь.

Пришло утро, обычное утро, одно из тысяч, которые встречала Мария Васильевна, сидя возле кровати матери. Её ожидали привычные заботы. Но, срывая сразу несколько устаревших листков календаря, Мария Васильевна вспомнила, что сегодня, всё же, день предстоит необычный. Сегодня был день выхода за покупками, что очень волновало и пугало Марию Васильевну. Она не любила взглядов соседок, ей не нравилась дворовая детвора, которая вертелась тут и там под ногами. Она боялась машин, светофоров. Но хуже всего были сами магазины. Там ей нужно было ещё и что-то говорить.

Мария Васильевна подошла к зеркалу, стёрла ладонью с него пыль и равнодушно взглянула на себя. Пригладив руками волосы, она завернула их тугим пучком на затылке.

Она долго стояла под дверью, прислушиваясь к звукам за ней, затем нерешительно стала отпирать замки.

Мария Васильевна потихоньку шагнула за дверь и оглянулась. На площадке никого не было, только эта адская машина – лифт – гудела где-то высоко.

Аккуратно закрыв дверь, Мария Васильевна направилась к лестнице. Глаза её никак не могли привыкнуть к яркому свету, поэтому Мария Васильевна ещё немного постояла на ступеньках и потихоньку поплелась вниз.

У подъезда, как всегда, её встретили сочувственные взгляды старушек, которые выглядели уже много лет одинаково, и, натянуто улыбаясь, всегда произносили почти хором: «Здравствуйте, Мария Васильевна». Она еле заметно кивнула, не глядя на них, и потихоньку спустилась по ступенькам.

Она очень внимательно смотрела себе под ноги, чтобы не споткнуться, у неё кружилась голова от свежего воздуха, и с ума сводил шум улицы.

Мария Васильевна неуверенно пошла по тротуару. Авоська норвила накрутиться ей на ногу, поэтому Мария Васильевна, нервно дергая рукой, подошла к перекрёстку. Светофор невероятно быстро мигал разными огнями, Мария Васильевна их еле-еле различала. Машины раздражали, она не решалась переходить дорогу.

Прохожие удивлённо её разглядывали, как ископаемое, которое неведомо откуда появилось на улицах современного города. Но Мария Васильевна не обращала на них никакого внимания. Она находилась в состоянии прострации и была полностью поглощена уличными шумами.

Наконец-таки ей удалось преодолеть перекрёсток. Мария Васильевна была довольна собой, потому что ей удалась небольшая хитрость: она пристроилась за спиной какого-то молодого человека и перешла улицу, не отрывая взгляда от него, не глядя по сторонам. Отсюда магазин был совсем уже недалеко.

Её обогнала шумная стайка молодёжи. Ребята жестикулировали и смеялись. Но даже и они, такие бойкие и весёлые, не смогли оторвать её взгляда от тротуара.

У двери магазина было много людей, которые входили и выходили. Мария Васильевна, немного помедлила и нерешительно направилась к входу. Здесь её ожидало самое главное испытание.

У прилавка была небольшая очередь: человек шесть-семь стариков с бидонами и авоськами и пара студентов, которые тоже были постоянными покупателями ливерной колбасы.

Мария Васильевна пристроилась в самый конец очереди и стала шарить по карманам. На клочке бумаги химическим карандашом был написан постоянный список продуктов, которые она брала каждый месяц. Мария Васильевна никак не могла припомнить, когда она его видела в последний раз. Но, по её рассуждению, он должен был находиться в кармане пальто. Не обнаружив списка, Мария Васильевна растерялась. Как же ей быть? Ей невероятных усилий стоил заказ в магазине, даже при наличии списка. Она всякий раз удивлялась своему голосу и заново привыкала к нему, оглядываясь по сторонам, боялась что-либо забыть, обязательно забывала, потому что на неё всякий раз смотрели высокомерные глаза красивой дородной продавщицы, разглядывавшей её в упор. Она терялась.

На Марию Васильевну глазели и покупатели, поторапливая её с выбором. А она не привыкла, чтобы на неё смотрели. Ей хотелось поскорее закрыть лицо руками и спрятаться в свою тихую тёмную норку.

Мария Васильевна не без усилий попыталась припомнить нехитрый список продуктов, которые она обычно брала, и принялась его повторять, чтобы быстренько проговорить и не споткнуться.

За этим занятием она совсем не обратила внимания на женщину, которая подошла к прилавку без всякой очереди, очаровательно улыбнулась продавцу и стала спокойным и уверенным голосом делать заказ.

В очереди занервничали, затолкались, старики зашептались, а тщедушный старичок, который стоял в самом конце очереди, даже выкрикнул: «Дамочка, вы что же, лучше всех, что ли?» Его голос дрогнул, сломался, и последние слова прозвучали на самой высокой ноте – фальцетом.

Женщина повернулась лицом к очереди и так же очаровательно всем улыбнулась ярко накрашенным ртом с прекрасными белыми зубами. Старики смущённо смолкли. А дама проговорила: «Простите, я очень тороплюсь».

Мария Васильевна не разглядывала людей, она людей не любила, она от них отвыкла. Ей ни до кого не было дела. Но эта женщина привлекла её внимание. На барышне было малиновое пальто и чёрная фетровая шляпа с огромными полями, на ногах – сапожки на высоченном каблуке, поэтому она казалась выше всех в очереди. На руках были тончайшие кожаные перчатки, которые она даже не сняла, расплачиваясь.

Из малюсенькой сумочки, висевшей на её плече, она достала большой фирменный пакет и подала его мужчине, который только что подошёл. Женщина аккуратно сложила туда продукты и направилась к двери.

Мария Васильевна, равнодушно провожая её взглядом, продолжала про себя повторять свой список. Поэтому для неё стало полной неожиданностью, когда эта роскошная дама, скользнув по очереди холодным взглядом, вдруг остановила его на Марии Васильевне и стала пристально присматриваться. Потом она что-то шепнула мужчине и подошла к Марии Васильевне.

Бедная Мария Васильевна растерялась окончательно. Она опустила глаза и стала нервно перебирать в руках авоську. Вдруг она услышала слова, которые, видимо, были обращены к ней. Чтобы в этом убедиться, она ещё раз рассеянно посмотрела по сторонам.

– Машенька, да ты ли это? – услышала Мария Васильевна.

– Машенька, милая, неужели ты меня не узнаёшь?

Мария Васильевна всё ещё стояла, потупив взгляд.

– Машенька, ну посмотри же на меня, это я, твоя одноклассница, Таня Демьянова, помнишь? Мы учились вместе в двадцать четвёртой школе.

– Да, да, – прошептала Мария Васильевна. Ей хотелось, чтобы эта женщина поскорее ушла. Она чувствовала, что на неё сейчас были устремлены взгляды всей очереди и даже продавца, поэтому она себя чувствовала, как рыба на раскалённой сковороде.

– Машенька, я тебя еле-еле узнала. Ты так изменилась. Что такое с тобой случилось? Ты не заболела?

Мария Васильевна уже давно не обращала никакого внимания на слова людей, они не имели для неё никакого значения. Что люди? Ведь она живёт не для них. И не среди них.

Мария Васильевна не отвечала. Ей хотелось в эту минуту стать маленькой, незаметной.

– Ах, да, – продолжала женщина. – Я совсем забыла. Припоминаю. У тебя что-то там с мамой случилось. Так вот как ты решила распорядиться своей жизнью?

Мария Васильевна привыкла к обычным словам сочувствия, люди её жалели, порой восхищались её самопожертвованием, но в словах бывшей одноклассницы была ирония.

Мария Васильевна вдруг поняла, что она себя обманывала, считая, что люди и их слова были ей не важны. Нет, даже наоборот. Она оказалась к ним очень чувствительна. Просто до этого она всегда знала, чего ожидать. Слова незнакомки её больно ранили. Тогда она, наконец, решила посмотреть в глаза одноклассницы, которую уже давно забыла. Мария Васильевна в последнее время стала плохо видеть, и сейчас она долго щурилась, присматриваясь. Да, она не ошиблась. В глазах этой женщины она увидела что-то вроде презрения и брезгливости.

Чтобы окончательно развеять сомнения бедной Марии Васильевны, дамочка даже хихикнула:

– Да. Я даже не предполагала, во что может превратиться себя человек.

Она резко повернулась и исчезла за дверью, оставив за собой шлейф аромата французских духов.

Мария Васильевна почувствовала себя униженной. Она зябко передёрнула плечами и подумала примирительно: «Может, она обиделась, что я её не узнала?» Когда подошла её очередь, Мария Васильевна вдруг забыла, что ей нужно было купить. Взяла лишь две бутылки кефира, молока да хлеба, пошарила растерянным взглядом по полкам, ступала, наткнувшись на холодный взгляд продавщицы, махнула рукой, расплатилась и направилась к выходу.

Прямо в дверях она наткнулась на косяк и больно ударилась коленом, послышался звон стекла. По ноге потекла струйка молока. На пальто образовалось огромное молочное пятно.

Мария Васильевна прошептала «извините» кому-то одними губами и равнодушно поплелась по улице.

Она так же тщательно смотрела себе под ноги, как и раньше, но всё время почему-то натыкалась на прохожих, которые раздражённо на неё оглядывались.

Мимо неё мчались шумные машины. К ней, как будто издалека, доносился рёв мотоциклов и визг тормозов. Она отчаянно направилась домой, где её ждал единственный родной человек на свете, который не мог без неё жить.

Мария Васильевна остановилась и перевела дыхание. Удивлённо оглядываясь по сторонам, обнаружила, что миновала перекрёсток. Навстречу ей торопились хмурые прохожие. До её дома оставалось всего каких-то сто шагов. Начинал моросить дождик, ветер шумел в верхушках клёнов, стоявших вдоль аллеи.

Как-то странно было слышать этот шум: рядом неслось грохочущее шоссе, говорили люди, звуки города заполняли, казалось, весь мир. А этот шум осенних, чуть пожелтевших деревьев, как откровение, донёсся до слуха Марии Васильевны. Он был похож на шёпот прощания.

Мария Васильевна сделала несколько шагов, но снова остановилась от страшной боли, которая пронизала голову, будто удар молнии, эта боль пригвоздила её к тротуару.

Мария Васильевна согнулась, уронила авоську и присела на бордюр. Она инстинктивно протянула руку, прося о помощи у безразличных прохожих. Эта боль занимала все её мысли, голова стала чугунной и как будто чужой. Марии Васильевне казалось, что она улетает, поднимается к вершинам клёнов – всё выше и выше... Она изо всех сил напрягала своё сознание, стараясь не потерять способности думать. Ей нужно было идти, во что бы то ни стало, встать и идти домой.

Время шло, но встать она никак не могла. Она продолжала сидеть на краешке тротуара, согнувшись, с авоськой в руках.

Наверное, она на какое-то время всё же потеряла сознание. Очнулась, когда над клёнами уже зажглись фонари, людей на улице стало меньше, а боль была такой же жгучей.

Мария Васильевна попыталась приподняться, поёрзала на месте, упираясь в землю изо всех сил. К своему изумлению, она обнаружила у ног несколько монет. Они лежали небольшой кучкой. Мария Васильевна, преодолевая боль, аккуратно подобрала деньги с асфальта, все монеты – одну за другой. Прохожие брезгливо оборачивались, шлёпая по лужам, молодёжь хихикала. Но Мария Васильевна этого не слышала: в голове шумело, на глазах была розовая пелена, ноги были ватные и совсем не слушались. Силы её покидали.

Она нетвёрдо встала на ноги и покачнулась. Мир в её глазах кренился то в одну, то в другую сторону. Стараясь не отрывать ног от земли, она очень медленно поплелась домой.

У подъезда всё ещё болтали две засидевшиеся старушки. Увидев Марию Васильевну, входящую под свет фонаря, они сразу же участливо подбежали к ней, а одна из них спросила:

– Вам плохо?

Мария Васильевна в ответ отрицательно покачала головой. И когда она уже почти скрылась в подъезде, старушки крикнули ей вслед:

– Может, врача?

Мария Васильевна не обернулась. Какого там врача? Ей нельзя было в больницу при таких обстоятельствах. Что же будет с матерью? Кто о ней позаботится? Ничего, скоро всё пройдёт. Смогла же она сама добраться домой. И мать сегодня голодная весь день, нужно поспешить.

Она подошла к двери лифта и прислушалась. Всегда ненавидела эту машину, а сейчас ждала её с нетерпением.

Мария Васильевна долго и безуспешно пыталась открыть входную дверь почти в полной темноте. Она практически ничего не видела, свет медленно угасал в её глазах, всё затягивалось багровой пеленой. И когда Мария Васильевна почти отчаялась, дверь всё же поддалась. Щёлкнул замок. И Мария Васильевна вошла в тёмную квартиру.

На ходу сбросив мокрое пальто, она направилась на кухню. Здесь наощупь, не включая свет, отыскала кастрюльку с утренней кашей и трубки.

Мать лежала неподвижно. Мария Васильевна наклонилась к матери и притронулась к её запястью. В висках так гулко стучало, что Мария Васильевна на мгновение остановила своё дыхание, чтобы прислушаться и уловить еле заметное биение слабого пульса матери. Мария Васильевна долго, напряжённо перебирала пальцами, не различая биения своего сердца и материнского. Наконец, она с облегчением вздохнула: «Ещё жива».

Успокоившись, она рухнула в своё привычное кресло и ещё какое-то время сопротивлялась беспомощности: нет, ей нужно было оставаться в сознании. Но боль победила.

Когда Мария Васильевна снова очнулась, руки её совсем не слушались, ног она не чувствовала, а веки были налиты свинцовой тяжестью.

Мария Васильевна полулежала в кресле и тихо плакала от беспомощности. «Господи, – думала она, – Помоги мне в эту минуту, как ты помогал мне все эти годы. Господи, не оставь меня».

Она снова попыталась пошевелить рукой. Левая не поддавалась, а правая с трудом поднялась. Её кресло и кровать матери разделяли всего несколько сантиметров. Подняться ей не удалось, тогда она кое-как перевалилась через поручень кресла и нависла над кроватью. Ещё усилие – и она уже лежала рядом с мамой в какой-то неестественной, скрюченной позе, ноги продолжали оставаться на полу. Кое-как двигая одной рукой, Мария Васильевна высвободила левую руку из-под отяжелевшего тела и оказалась на боку.

В висках стучало, боль будто бы прошла. Часто дыша, она лежала неподвижно, чтобы не тратить сил.

Быть может, она снова забылась, но когда опять пришла в себя, прикоснулась к матери непослушной рукой, как бы желая быть услышанной.

– Мамочка, – прошептала она чуть слышно онемевшими губами, – прости меня, мамочка.

Кое-как двигая рукою, она обняла мать, прижалась к ней, переполняемая чувством вины.

– Прости меня, мамочка.

Слёзы катились из невидящих глаз.

– Мамочка, прости меня, милая.

Яркая вспышка в сознании заставила её вздрогнуть всем телом. Ей показалось, что она летит куда-то со стремительной скоростью. А мимо – огни, огни...

– Мамочка! – кричала она испуганно, – Мамочка!

Но с её неподвижных губ не слетело ни звука...

...Почтальон пришла, как и обещала. У неё было прекрасное настроение. В каждой квартире её встречали с улыбкой. Она позвонила в дверь и стала ждать, заранее немного прикрыв рукою нос, чтобы защититься от затхлого запаха, который всякий раз вырывался из этой квартиры, лишь только открывалась дверь. Вначале тишине за дверью она несколько не удивилась, здесь всегда открывали не сразу. Но когда прошло несколько минут, она забеспокоилась и стала звонить ещё и ещё, но ей не отвечали...

...У двери собрались озадаченные соседи. После того, как не без труда вскрыли дверь, их изумлённому взору представилась жуткая картина. В душной и полутёмной комнате на одной кровати лежали неподвижно две маленькие женщины: Мария Васильевна рядом с матерью в какой-то странной, неестественной позе. Одну руку она положила матери на грудь, будто хотела защитить её.

Врач скорой помощи подала знак санитарам. Они, тихо переговариваясь, положили щуплое тело Марии Васильевны на носилки, накрыли серенькой казённой простынкой и понесли через комнату к выходу ногами вперёд.

А врач, тем временем осмотрев вторую неподвижную женщину, произнесла равнодушно, как бы отвечая на вопросительные взгляды соседей:

– Ещё жива.

Гулиева Е. Жизнь // Многоголосье: литературный сборник / ответственный за выпуск Л. Г. Некрасова; составитель Н. А. Заболотняя.; редакторы: М. И. Чайковский, Н. И. Комбарова, Н. М. Бортэ [и др.]; корректор: Д. А. Клейменов; фото: В. А. Фишбух [и др.]; графика: Е. Г. Новосад [и др.]. – Екатеринбург: Издательский дом «Шторм-Техно», 2019. – С. 193–206